

Денис Прохор

ТАЙНА ИМПЕРАТРИЦЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Денис Прохор

Тайна императрицы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Прохор Д. В.

Тайна императрицы / Д. В. Прохор — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Литературный сценарий авантюрной комедии времён Анны Иоановны. В Москве при странных обстоятельствах погибает посланник Австрийской империи князь Мизерикордио. Австрийский кесарь взбешён и требует наказать убийцу. Содержит нецензурную брань.

Денис Прохор

Тайна императрицы

Краткое содержание.

В Москве при странных обстоятельствах погибает посланник австрийской империи князь Мизерикордио. Австрийский кесарь взбешён и требует выдать убийцу князя. Вице-канцлер Остерман вынужден выпустить из тюрьмы известного авантюриста Андрея Шлёцера в надежде, что он разыщет неуловимого преступника в красном плаще. Шлёцер прибывает в Москву. В ходе расследования, попадая в забавные ситуации и встречаясь с забавными людьми, ему удаётся подобраться к страшной тайне, которую скрывают многие годы. Тайне российского императорского дома.

Действующие лица.

Андрей Шлёцер – авантюрист. Дитя своего века и пасынок следующих столетий.

Остерман – животное политическое, вице-канцлер.

Вольнский – кабинет-министр потому что лапоть или лапоть потому что кабинет-министр.

Бабицкий – граф. Прозрачный, как слеза патриота на концерте группы «Любе».

Кулебякин – тайный советник. Пыльный экспонат музея МВД РФ.

Дровосеков – полковник. Отец – солдатам, врагу – мать-перемать.

Цибульский – купец. Польский чемодан с двойным дном.

Мария – его жена. Узница своего прошлого.

Дорох – злой гений Марии.

Гвендолин – француз. В России это немало, но и немного.

Бирон – герцог. Вроде бы.

Животинский – король воровской Москвы. Жертва психоанализа.

Баргузин – душегуб и бибиситер.

Пистон – некультурный бандит. В магазинах и публичных домах расплачивается полновесными булыжниками.

Бранзулетка – полицейский. Не Кулебякин, только учится.

Боцман – непокорённый, некоренной москвич.

Анна Иоановна – императрица без комплексов. Совсем.

Секретарский – заревой русский пиит. Почитатель громоздкого, как бабушкин комод, Третьяковского.

Губернатор – типичный и кирпичный московский начальник.

Князь Мизерикордио – австрийский посланник. Сразу убит.

А также: слуги, солдаты, жители Москвы и Петербурга, трио «Коврига», питон Гризельда, кенар Пьетро и впервые на экране тигр Валокардин.

Первый текст (слова на тёмном фоне и голос за кадром)

После смерти Петра Первого и скоротечных правлений его жены и внука на российский престол взошла Анна Иоановна, герцогиня Курляндская, племянница великого императора. Эта история случилась во времена ее царствования.

Москва 1739 год.

То, о чем никогда не расскажет Пьетро.

Старый жуир и повеса князь Мезирикордио принимал в своем особняке в Ленивом переулке высокую и статную даму с внешностью знатной итальянки. Князь суетился. Князь порхал. Пел и как пел, ежесекундно прикладываясь к нежной ручке.

– Лаура! Дерзкая Лаура! Что роза перед свежестью твоих ланит. Я был бы счастлив, умереть за них, не то, что прикоснуться.

Дама смущенно прикрывалась веером.

– Ах, князь. К чему такой ажитасьон?

– Слова твои подобны утренней росе. Сладки, как мед. Отведав их, готов я распрощаться с жизнью.

– Князь вы обещали покорить меня своей коллекцией.

За всем этим мудрый Пьетро наблюдал равнодушно. Он был обычным кенаром, но в жизни кое-что понимал. Из своей золоченой клетки в гостиной князя он тысячу раз видел такие ситуации. Если бы Пьетро мог зевать, он бы зевнул обязательно. Вот князь подводит даму к стене между высокими окнами. Театрально сдергивает бархатную накидку, и в тяжелой раме за чугунной решеткой на атласной подкладке мерцает таинственным светом знаменитая коллекция князя. Древние украшения скифов, гордых римлян и таинственных кровожадных племен из дельты Ориноко.

– Божественно – восклицает дама.

– Они лишь пепел перед вами. – качает Пьетро клювом в такт давно выученным словам.

Он уже совсем вознамерился прикрыть белесой пленкой выпуклые глаза и вздремнуть часок, как широкая и жесткая юбка дамы качнулась. К удивлению Пьетро из-под юбки выбрался карлик с абсолютно мерзким и отталкивающим лицом. Карлик бесшумно, оставаясь незамеченным для князя, перебежал гостиную и спрятался под стол, на котором стояла клетка Пьетро. В следующий раз это гнусное лицо Пьетро увидел глубокой ночью. Совсем близко. Их разделяли только прутья клетки. Испуганно Пьетро заметался по клетке. Громко зашуршал крыльями в черной и тихой комнате. Карлик приложил крохотный пальчик к губам.

– Тсс, падла. Жульен исделаю.

В высокое окно несколько раз стукнули. Карлик растворился в темноте. Когда Пьетро снова открыл глаза, в комнате было светло от зажженных свечей. Сновали туда-сюда люди в грязной и рваной одежде. Они выносили вещи, живьем сдирали со стен картины, взламывали решетку, которая защищала коллекцию князя. Сам князь жалкий и несчастный стоял на коленях, перед человеком в длинном до пят красном плаще с капюшоном. Князь заламывал руки и рыдал.

– Не губите. Богом клянусь, уеду. Никто не узнает. О, Лаура.

– Пистон! – мгновенно Пьетро узнал этот голос, а когда человек в плаще повернулся, все сомнения оставили его. Эта была та самая дама, которая днем была у князя. Дама подошла к столу, и последнее, что увидел Пьетро, прежде чем она набросила на клетку покрывало, был хозяин. Он хватался за грязные ботфорты мерзкого карлика, в руке которого сверкнул кинжал. Раздался жуткий крик и Пьетро лишился чувств. Потом был провал, потом сквозь легкую дымку он почувствовал, что его кто-то трогает.

– Экие зверюги! Божью тварь не пожалели. Совсем Москва оскотинилась. Э. Да она живая! Гляди Бранзулетка!

Пьетро затрепал своими слабыми крылышками. Он бился грудью о прутья клетки. Громко кричал. Но глупые люди его не слышали. В разгромленной гостиной, где дневной свет из высоких окон нарисовал столбы на кедровом полу, лежал растерзанный князь.

– Поет, неразумная. – с восхищением произнес Петр Тимофеевич Кулебякин. Тайный советник ея императорского величества Тайной канцелярии. – Может с собой забрать. Говорят, они от ипохондрии первейшее средство. Лучше белладонны. Так говоришь в красном плаще? –

он обратился к взлохмаченному и испуганному камердинеру. Его крепко держал за шиворот дюжий парень в сером и плотном кафтане московского обывателя. Это был Бранзулетка.

– Точно так, ваша милость. Как будто кровь с него ручьями.

– Ты же говоришь, в подполе сидел. Как видел? – прогудел Бранзулетка.

– Видел, видел, они, как давай везде шастать, так меня и нашли.

– Ну? – надвинулся на него Петр Тимофеевич.

Камердинер заторопился еще больше:

– Думал все. Думал, предстал Ермоша перед царицей небесной. А он подходит и говорит: «Не бойся, говорит, жить будешь, если, как все обскажу, сделаешь».

– Ну?

– Скажешь всем, что Ванька-каин это сделал. И со всеми так будет, кто против меня станет.

– Ванька-каин, говоришь?

– Точно так, точно так. Я все в толк взять не могу, чего это баба себя мужиком называет.

– Какая баба? – спросил Петр Тимофеевич.

– Как же. – камердинер даже попробовал выжать из себя улыбку. – Так это ж самая баба в плаще была.

– Ты что мелешь, сучья порода.

Кулаком стер Петр Тимофеевич с лица камердинера готовую расцвети ухмылку.

– На Мясницкую его, Бранзулетка. Дыба разум ему враз подлечит. – приказал Кулебякин своему помощнику.

– За что дыбой стращаешь? – заверещал камердинер – Я ведь как перед царицей небесной... – успел прокричать он и затих. Бранзулетка поволок беспомощный куль из гостиной. Петр Тимофеевич подошел к столу и тронул клетку:

– Эх, птаха. Тяжко в себе все носить. За что ж тебя господь бессловесной сделал.. Не могу вразуметь.

В раскрытые окна внезапно ворвался ветер. Он заставил Кулебякина закрыть рукой лицо и понёсся дальше. Пролетел над Москвой и быстрее чем «Красная Стрела» осилил неблизкую дорогу до Петербурга.

Совет у императрицы.

Набравший сил ветер влетел в панораму юной столицы, с едва намеченными проспектами, с белоснежными парусниками на рейде Невы, с редкими каменными домами нерусской красоты и изящности. Постоянный сильный ветер заставлял гнуться к земле деревья и дома, которые вырывал с корнем, заставлял жителей Петербурга ходить с шеями повернутыми набок. Такой ветер ворвался в Зимний дворец, с пушечными выстрелами открывались двери, не выдерживающие напора. Ветер прорвался в малую комнату перед залой торжественных приемов и наткнулся здесь на непреодолимое препятствие. Он столкнулся с огромной, монстроподобной женщиной, с бородавкой у носа, в бежевом атласном платье, с орденской лентой через плечо и маленькой кокетливой короной, венчающую огромную и пышную прическу. Ветер не смог преодолеть это препятствие, он выдохся, сделал последнее усилие. Наклонил к полу фрейлин, играл в боулинг шутами лилипутами, гнул канделябры и остальную мебель, но это была его последняя попытка. Отчаявшись, он затих, и вернул предметы и людей к их прежнему вертикальному существованию. Стихия природы смирилась перед величием империи, созданной руками и мыслью людей. Эта громадная женщина, ее можно оценить со всех сторон, являлась живым воплощением могучей державы, широко раскинувшейся на евразийских просторах. Эта женщина – Анна Иоановна, императрица всероссийская. Она, словно, не заметила ветра и разрушений, которые он произвел. Медленно и грозно поднялась могучая рука. Мгновенно затихла вся многочисленная свита. Одного мановения царственной длани

хватит, чтобы навеки изменить судьбу любого. Внимательно Анна Иоановна разглядывала свои длинные и острые ногти. Их покрывали лаком, поочередно сменяясь, пять цирюльников. Облегченно вздохнула, от ее вдоха сорвало парики у ближайших фрейлин и герцога Бирона. У наученного опыта герцога под этим париком оказался еще один парик. Зазвучала грозная музыка. Анна Иоановна направилась в тронную залу. На цыпочках за ней кралась вся остальная свита. Императрица остановилась. Свита приняла равнодушные позы. Взойдя на возвышение, Анна Иоановна повернулась и усела на огромный трон. Музыка смолкла. Герцог замер рядом. Императрица обратилась к присутствующим, не считая свиты, их было всего двое. Это кабинет министр Артемий Волинской и вице-канцлер империи Петр Остерман. Бирон – невесомый и порхающий, образец галантности на тоненьких ножках. Говорил с наилегчайшим, паутинным немецким акцентом.

– В Москве беспокойно, господа. Государыня гневаться изволит.

Грозная музыка. Анна Иоановна поднялась. Рослые гвардейцы поволокли к ней упирающегося и визжащего шута. Гвардейцы бросили несчастного к ногам императрицы. Все присутствующие с омерзением отвернулись. Слышались хруст и чавканье. Анна Иоановна сделала из несчастного шута ком и хорошенько прицелилась. Бедный шут попал в гигантскую вазу, прямоком в кучу из своих же товарищей по несчастью. Анна Иоановна села. Бирон продолжил.

– 5 –го дня в Москве убит австрийский посланник. Князь Мизерикордио убит разбойниками. – срывается на фальцет Бирон.

Зазвучала грозная музыка. Все вздрогнули. Анна Иоановна поднялась, поправила платье и вновь села.

Бирон продолжил.

Репутасьон российский низок как никогда. Рубль падает, а доллара еще лет 50 не будет. Биржи лихорадит, и государыня второй день не призывала меня почесать ей пятки на ночь. Дело крайне серьезное, господа. Посланник наш из Вены пишет. Цесарь австрийский совсем к вашему величеству переменялся. Раньше при имени вашем драгоценном, только рожи всякие похабные показывал и фиги крутил, а теперь кроме как Афанасием и не кличет. Я ему говорю. Побойся бога, кесарь. Нешто ж можно, благословенную императрицу нашу, Афанасием каким-то величать. А он не унимается. Афанасий то, Афанасий это. Чувствую быть драчке великой. . . Слышите, господа? Афанасий то, Афанасий это. . . Это война, господа. – патетически закончил Бирон.

Волинской широкий и привольный мужик, загремел сразу грозно.

– Ваше величество! Матка! Одно твое слово! Трубы начищены. Полки полгода жалованье не получали. Звери. Мы не то, что кесаря. . . мы. . . мы пить бросим! Европа содрогнется, когда увидит русский трезвый штык. Пену, Дерлин, Жарих и Гондон к ногам твоим положим.

– А что по этому поводу думает вице-канцлер Петр Иванович Остерман? – спросил Бирон.

Петр Иванович из своего деревянного кресла на колесиках и Бабицким за спинкой отозвался не сразу. Пожевал губы, посвистел. Потомил и после сказал с неистребимым своим онемеченным говором.

– Вице-канцлер думает. . . Простите. . . Пока наш доблестный кабинет-министр будет брать своими трезвыми штыками Пену и Дерлин. Нам нужно основательно подумать о том, что скажут Вена, Берлин и Лондон. Реал политик, наука серьезная и искание своей выгоды предполагает. Сим заключаю. Война сейчас России выгодна также как красавице другая красавица рядом. Посему предлагаю. Запрягать быстро, а ехать медленно. Мы должны арестовать убийцу князя и предъявить его кесарю с нашими извинениями и подарками. При последней встрече с нашей великой матушкой-государыней, он, помнится, положил свой глаз, на золотой чайник со свистулькой. Пока предлагаю ограничиться свистулькой. – сказав это, Петр Иванович положил под язык очередную таблеточку и скромно прикрыл глазки.

Волынской сдаваться не думал:

– Вот, вот она, немчура проклятая. Своих прикрывает. Деды наши, прадеды по крохам собирали, а мы так просто отдать? Тошно, тошно моей душеньке. Русский ведь, а в России как в гостях. Ничего сами решить не можем.

– Вы решите... – язвительно, но тихо, как бы невзначай, заметил Остерман. – Там, где свистулька красная цена, вы десять тысяч положите. И не денег.

– Ты, гнида заморская. – вызверился Волынской и пошел грозный и могучий прямо на сухонького и немощного Остермана. – Куклениш плешивый, вестарбайтер. Забыл, обмылок, кто тебя кормит, кто одевает.

Невозмутимый Остерман продолжал наслаждаться гоголем-моголем, сбитым в хрустальном стакане. Волынской бушевал совсем близко, но к Остерману не прикасался. Вербально убивал. Бирон попытался утихомирить разбушевавшегося министра.

– Кабинет-министр. Вспомните о присутствии государыни.

– Она русская, она поймет печаль и тревогу нашу. – Волынской сильно ударил себя в грудь и закатил глаза. – Что же это делается. Остерман к царю Петру нищим бродягой приплелся, а теперь посмотри на него. Отожрался так – Волынской посмотрел на худенького и насквозь больного Остермана и понял, что не в ту степь его занесло, надо выворачивать.

– Так отожрался, что сейчас сдохнет. Куда не кинь всюду они! Народ совращают, грабят. Мы им хлеб, мы им масло. Они нам картинки богопротивные. Мы им золото и купцов, они нам этих же купцов изжеванных, но без золота. Грабят, грабят народ.

Бирон возмущенно взмахнул руками.

– Вас послушать... Прямо с ножом к горлу лезут.

– Нет, нет. – с неожиданной грустью сказал Волынской. – В этом то и дело. В этом вся штука. – неожиданно кабинет министр былинно загрузил.

– ... Делайте, как хотите.

Остерман докушал свой гоголь-моголь, облизал серебряную ложечку и сказал спокойно.

– Имею на примете человека. Он справится с заданием. В этом не может быть сомнений.

Шлецер в камере.

В Петропавловской крепости этот каземат стоял отдельно от всех. Поросшее кустарником и пожухлой травой здание не привлекало внимание. Оно почти совсем срослось с окружающей местностью и издали напоминало бугорок или холмик. Именно к этому бугорку или холмику направлялся граф Генрих Бабицкий, помощник вице-канцлера. Его сопровождал хмурый и квадратный гвардейский полковник.

– Вы этого арестанта видели? – Бабицкий шагал широко, полковник едва поспевал за ним.

– Лично нет. Не имею права. Он у нас забытый.

– Это как?

– Такие, как он, без края сидят, на полном пансионе. Будто их и нет вовсе.

– Этот должен быть. Учтите, полковник, дело государственной важности. Если с ним что-то случилось, вас тоже могут вот так. Забыть.

– Скорей бы, ваша милость. – неожиданно с грустью вздохнул полковник. Он застучал в круглую дверь с решеткой.

– Ухватов, Ухватов. Выползай, давай, упырь вологодский.

Дверца люка отпала. Наружу, к немалому удивлению Бабицкого, вырвалась стая белоснежных голубей. Вслед за ними во все стороны посыпались крылатые херувимы с маленькими арфами.

– Кыш, кыш проклятые. Пригрелись тут. – на краю темного туннеля появилась косматая рожа. Сержант Ухватов метлой поддел упирающегося херувимчика и выбросил его на улицу.

– Делами занимайся... А вы кто такие? – спросил сержант.

– Секретарь вице-канцлера с предписанием. – сказал Бабицкий и показал бумагу.

– Прошу, господин секретарь. Ножки, всепокорнейшее, вытирайте, господин полковник.

Они оказались в туннеле, обитом белой шелковой тканью и освещенном факелами тонкой ажурной работы.

– Ничего себе. – присвистнул от удивления полковник. – Да у тебя здесь палаты царские, Ухватов. Не ожидал.

– Особый арестант и кондиции особые, господин полковник. А-а-а вот ты, где!

Ухватов вытащил спрятавшегося за факелом херувимчика, поднес его к выходу и выбросил вон.

– Летят отовсюду, мухи. С адмиралтейства, с рынка, из университета и все здесь прячутся. Будто медом им здесь намазано, под землей.

– Что же гоняешь? Разве не жалко? – спросил Бабицкий.

– Жалко, ваше благородие, господин секретарь. Глаза у них такие, коровьи, беспомощные. Страсть как жалко. А ну как вспомню, что не по сердцу, а по службе, то ничего. Легче становится. – Ухватов погрозил метлой. – У басурмане.

Ухватов отпер тяжелую дверь и, поднатужившись, потянул на себя дверь. Камера заключенного резко контрастировала с туннелем, вотчиной Ухватова. Сочащиеся влагой стены и скупой свет от одинокой желтой свечи. Бабицкий горделиво выступил вперед.

– Андрей Шлецер, государственный преступ ... – и осекся Бабицкий. Это было чудовищно нелепо то, что он увидел. Кандалы присутствовали, как и положено, на руках и ногах, но головы и туловища не было. Вместо них Бабицкий увидел репу, вологодскую огромную репу с грубо намалеванными глазами и ртом. Репа качалась и протягивала к нему руки, звеня кандалами. И все же Бабицкий закончил начатое.

– Вас призывает вице-канцлер.

Вечер сюрпризов.

Тепло и уютно было в кабинете вице-канцлера. Вздыхала голландская печь с изразцами. За пентраграммным столиком с хрустальным винным графином, фужерами и фруктами сидели два заклятых врага или друга. Остерман и кабинет-министр Волынской. Они приговаривали помаленьку, не спеша, рябиновую настойку.

– Право, не пойму, Петр Иванович, чего это мы с вами на людях собачимся? Вы, человек, в области разума пышный. Втолкните же мне, как это вы мудро на днях выразились, тортиле галапагосской, зачем мы это делаем? Всяк во дворце знает, что мы с вами не разлей друзья в делах денежно-государственных, зачем комедию ломаем?

– Знаете, кабинет-министр, я долго живу в России. Нет, здесь все замечательно. Есть государство и все остальные, которые думают, что тоже есть. Есть целый кабинет-министр, но политики, как борьбы идей, в европейском смысле, нет. Пустота вместо. Интересу много у всех и до всего, а идей нет. Не политика в России – пустыня. Мы с вами должны стать началом источников благоухающих, дабы пустыню эту оживить. Верю, за нами придут другие. Толпа дармоедов нагрянет, не сомневайтесь. А пока мне, как ученику дрезденского колбасника, сам Бог велел, шпиговать умы европейскими ценностями, а вам, коренному борщееду и хреногрызу, аромат родных лаптей в покое беречь.

– Да зачем же? Все же знают, что два сапога пара. Кого дурим, вице-канцлер?

– Тех, кому и жизнь без этого не жизнь, а таких весь мир и Лиговка впридачу.

Сзади на цыпочках к Остерману приблизился слуга и что-то шепнул на ухо. Вице-канцлер вздрогнул.

– Уже здесь? Просите, просите немедленно.

Слуга кивнул и удалился. Волынской поморщился.

– Неужели другого кого подыскать нельзя? Нахлебаемся мы с этим Шлецером по самые папилютки.

– Пора оставить старые счеты. Конечно, Шлёцер – это монашка и банан. Гремучая смесь. Но без него нам не обойтись. Эт-то что такое? – обычная невозмутимость едва не покинула вице-канцлера.

– Арестант доставлен, ваше сиятельство!

С чувством исполненного долга отчеканил Бабицкий. Рядом с ним качнулась пасмурная репа с рисованными глазищами и выглянула хитрая косматая рожа Ухватова.

– Я так, понимаю, вы по дороге заглянули на маскарад, Бабицкий?

– Этот костюм – условие заключения опаснейших преступников, Ухватов подтверди.– обратился Бабицкий к сержанту.

– Ухватов? Какой Ухватов? – вице-канцлер посмотрел на пройдошливого сержанта.

– Шлёцер может вы, объясните в чем дело?

Теперь пришел черед удивляться Бабицкому.

– Шлецер? Какой Шлецер?

Поддельному Ухватову ничего не оставалось делать кроме как снять накладной парик и брови, и усы. Перед Бабицким и Остерманом предстал гладковыбритый худощавый человек небольшого роста с волевым носатым лицом. Андрей Шлёцер.

– Признаю, вице-канцлер, ваш глаз до сих пор самый глазочий глаз Империи.

– А вы ничуть не изменились, Шлёцер. Ваши комплименты, как всегда, больше похожи на некрологи. Я начинаю опасаться за свое зрение..

– Вам не о чем тревожиться, вице-канцлер. Вы сглазили целую страну, куда мне до вас, простому вселенскому патриарху.

– Да, что он несет этот прощельга? – поспешил напомнить о себе Волынской.

– Вам не знакома эта история, кабинет-министр, – удивился Остерман.– О ней шуршали веера во всех европейских салонах. Уездный Чебурахинск вздрогнул, когда в него по пути из Константинополя в Святую Землю заглянул вселенский патриарх Амфибрахий 4. После себя он оставил разоренное пепелище и дочку городского головы. Беременную, по ее собственным уверениям, от мимо проходящего Святого Духа.

– Неужели этот негодяй посмел надеть святые одежды? – возмутился Волынской.

– В этом не было нужды. Чебурахинску хватило имени Амфибрахий, произнесенного благочестивым и грозным голосом, чтобы вывернуть карманы наизнанку.

Шлёцер усмехнулся.

– Покончим с этим, вице-канцлер. Прошлое- это бешеная собака. Никогда не знаешь, когда, где и кого она укусит. Самое время отпустить вашего помощника и сей овощ. – Шлёцер погладил репу. – Он – плод моей скуки и плохих манер моего тюремщика. Я назвал этот сорт – ухватовка. Ничего личного, просто красиво. Отпустим их и, наконец, приступим к тому ради чего вы и призвали меня вновь на этот свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.